

НОВЕЛЛА ТОМАСА МАННА «КРОВЬ ВЕЛЬЗУНГОВ» И ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО АНТИСЕМИТИЗМА

Литературные скандалы

Профессор Прингсхайм не интересовался художественной литературой, но она сама время от времени напоминала о себе громкими скандалами, затравившими его семью.

Первый удар он ощутил в 1896 году, когда в издательстве Самуэля Фишера, в том самом, в котором начиная со следующего года будут напечатаны все работы Томаса Манна, вышел роман «Сибилла Дальмар» тещи Альфреда Прингсхайма Хедвиг Дом. Хедвиг прославилась прежде всего борьбой за права женщин, ей принадлежит знаменитый лозунг «Права человека не имеют пола». Но и в литературной деятельности она была активна, писала пьесы, театральные рецензии и даже романы. При этом, будучи женщиной, хотя и умной, но достаточно наивной, без зазрения совести вставляла в свои тексты фрагменты писем дочери, тоже Хедвиг, в замужестве ставшей Прингсхайм, благо дочь писала матери длинные послания два-три раза в неделю. Дочь жила в Мюнхене, в знаменитой вилле Прингсхаймов на улице Арси, 12, а ее родители — Хедвиг и Эрвин Дом — в Берлине, так что переписка была в то время основным способом их общения.

Роман «Сибилла Дальмар» содержал такие характеристики членов мюнхенского общества в целом и дома Прингсхайма в частности, которые высказывают обычно с глазу на глаз только близким друзьям и очень доверенным лицам. Кроме того, в романе подробно описана любовная интрижка героини, в которой все узнали Хедвиг Прингсхайм, с неким юным прибалтийским бароном.

В личной жизни Хедвиг и Альфред Прингсхаймы давали друг другу достаточно большую свободу. Альфред, например, открыто жил как бы «параллельным браком» с известной хорватской певицей Милкой Тернина, примадонной основных опер

Евгений Михайлович Беркович — математик, публицист, историк, издатель и редактор. Окончил физический факультет МГУ им. Ломоносова, кандидат физико-математических наук, доктор естественных наук. Создатель и главный редактор журналов «Семь искусств» и «Заметки по еврейской истории», издатель альманаха «Еврейская старина» и журнал-газеты «Мастерская». Автор книг «Заметки по еврейской истории» (2000), «Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории холокоста» (2003), «Одиссея Петера Прингсхайма» (2013), «Антиподы. Альберт Эйнштейн и другие люди в контексте физики и истории» (2014). Публиковался в журналах «Нева», «Иностранная литература», «Вопросы литературы», «Зарубежные записки», «Человек» и многих других изданиях. Живет и работает в Германии (Ганновер).

Вагнера. Эта связь не скрывалась даже от детей, Милка официально считалась другом дома. Но сделать любовные похождения жены предметом пересудов всего города — было слишком даже для любвеобильного профессора. Хедвиг Прингсхайм, которая к литературным вольностям матери относилась более снисходительно, чем ее взрывоопасный муж, удалось погасить скандал только спустя несколько месяцев.

Еще одно вмешательство литературы в личную жизнь Прингсхаймов произошло в 1904 году, когда Томас Манн терпеливо и настойчиво добивался руки Кати. Осада продолжалась почти год, письма, которые писал будущий лауреат Нобелевской премии по литературе, могли растрогать каменное сердце, но упрямая девушка не говорила ни «да», ни «нет». В ожидании окончательного ответа Томас закончил рассказ «У пророка», в котором бегло описал внутренность роскошного дворца и красоту его хозяйки:

«И вдруг вошла богатая дама, великая охотница посещать подобного рода соборища. Она приехала сюда в собственной обитой штофом карете, покинув великолепный свой особняк с гобеленами и дверными рамами, облицованными желтым нумидийским мрамором, поднялась на самый верх по темной лестнице и впорхнула в дверь — красивая, благоухающая, обворожительная, в синем суконном платье с желтой вышивкой, в парижской шляпке на рыжевато-каштановых волосах — и усмехнулась одними глазами, будто украденными с полотен Тициана» (VII, 288—289)¹.

Стоит отметить, что с образами Тициана сравнивает свою бабушку и сын Томаса Манна Клаус, говоря о ней, что она «*обольстительная смесь венецианской красоты а-ля Тициан и загадочной гранд-дамы а-ля Генрих Ибсен*»².

На одной из встреч в доме по улице Арси, 12 Томас прочитал Хедвиг рассказ «У пророка», и Хедвиг сразу узнала себя. Каково же было удивление и разочарование молодого автора, когда его восхищенный портрет вызвал откровенное недовольство и раздражение будущей тещи. В письме другу Курту Мартенсу от 13 июня 1904 года Томас жалуется:

«„У пророка“ я для надежности предъявил госпоже проф. П. [рингсхайм] и не мог поверить, что она из-за моих невинных похвал так рассердится»³.

К счастью, этот эпизод не дошел до вспльчивого Альфреда Прингсхайма, и этим дело ограничилось. Зато через год разгорелся такой скандал, что потушить его удалось только с большим трудом, благодаря в основном женщинам с обеих сторон конфликта, проявившим терпение, такт и находчивость. И все равно последствия «военных действий» ощущались еще долго.

Причиной нового скандала стала новелла Томаса Манна «Кровь Вельзунгов», законченная в 1905 году. Ее публикация планировалась на январь следующего года в берлинском журнале «*Нойе рундшау*».

Вкратце содержание новеллы сводится к следующему. Неразлучные близнецы, девятнадцатилетние брат и сестра Зигмунд и Зиглинда, сибаритствуют в роскошном

¹ Здесь и далее в круглых скобках с указанием римскими цифрами номера тома и через запятую номера страницы или номеров страниц даются ссылки на следующее издание: Манн Томас. Собрание сочинений в 10 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959—1961.

² Mann Klaus. Der Wendepunkt. Ein Lebensbericht. Rowohlt Taschenbuch Verlag, Reinbek bei Hamburg 1984, S. 18.

³ Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Werke — Briefe — Tagebücher. Briefe I, 1889—1913. Band 21. S. Fischer Verlag, Frankfurt a. M. 2001, S. 284. В дальнейшем ссылки на эту книгу будут даваться в круглых скобках с указанием слов «Briefe I» и через запятую номера страницы.

доме своего отца, предпринимателя-богача Ааренхольда. За восемь дней до свадьбы Зиглинды и чиновника фон Бекерата, которого девушка не принимает всерьез как мужчину, брат и сестра решают в последний раз сообща насладиться оперой Рихарда Вагнера «Валькирия». Музыка приводит их в эротически-томное состояние, и по возвращении из театра они вступают в кровосмесительную связь, как бы повторяя сцену инцеста, которую только что видели на сцене. Первый опыт такого рода не только не порождает в них чувства неловкости друг перед другом или вины перед незадачливым женихом, которому наставили рога еще до свадьбы, но, напротив, больше сближает близнецов. А Бекерату они обещают с этих пор «менее тривиальное существование»⁴.

Хотя действие в новелле происходит в западной части Берлина, в районе Тиргартена, читателям не составляло никакого труда узнать в действующих лицах членов семьи профессора Прингсхайма, которого хорошо знали в Мюнхене. Мало того, что хозяин и хозяйка дома показаны весьма неприятными людьми с карикатурно выделенными еврейскими чертами, рассказ заканчивается откровенно предосудительной сценой сексуальной близости брата и сестры, близнецов Зигмунда и Зиглинды. В семье Прингсхаймов младшими детьми тоже были близнецы Клаус и Катя, которая как раз в эти дни готовилась стать матерью — их браку с Томасом Манном не исполнился еще и год. Получалось, что писатель, недавно вошедший в семью Прингсхаймов, бросает тень на свою молодую жену, ее брата, их мать и отца.

Слухи о скандальном содержании еще не опубликованной новеллы распространились в городе и в конце концов дошли до Альфреда Прингсхайма. Тот пришел в ярость и потребовал запретить издание новеллы. И хотя его требование было исполнено, отношения между зятем и тестем испортились на долгие годы. Новелла официально увидела свет только в 1921 году в одном специальном эксклюзивном издании с ограниченным числом нумерованных экземпляров. Больше при жизни автора новелла в Германии не публиковалась.

Версия Клауса Прингсхайма

Ни одна новелла Томаса Манна не обсуждалась так горячо в последние годы, как «Кровь Вельзунгов». Много дискуссий вызвал вопрос, можно ли считать содержание новеллы антисемитским или нет. Не вполне ясна и загадочная история ее издания, начавшаяся с отказа от публикации уже готового текста в 1906 году. Кроме Клауса Прингсхайма, никто из участников конфликта не оставил подробных письменных свидетельств о происшедшем, да и то «Послесловие к „Крови Вельзунгов“» Клаус выпустил в свет лишь в 1961 году, спусти более полувека после описываемых событий. Автору «Послесловия» в том году исполнилось 78 лет.

Вот как Клаус описывает свое знакомство с текстом новеллы Томаса Манна:

«Однажды в конце лета 1905 года после обеда — Томас пришел к нам один — у него был короткий разговор с моей матерью; я сидел рядом, вопрос, сказал он,

⁴ Манн Томас. Кровь Вельзунгов. В книге: Манн Томас. Ранние новеллы. М.: АСТ, Астрель, 2011. С. 522. Перевод Е. Шукшиной. Переводчица использует скандинавский вариант написания «Вельсунги». В некоторых энциклопедиях и в научных работах придерживаются нашей транскрипции «Вельзунги». В дальнейшем ссылки на русский перевод новеллы будут даваться в круглых скобках с указанием слов «Кровь Вельсунгов» и номера страницы из этого сборника. В другом переводе новеллы на русский язык, сделанном Елизаветой Соколовой и опубликованном в журнале «Ясная Поляна», 1997, № 2, с. 265—281, используется вариант «Кровь Вельзунгов». Так же пишет название новеллы Игорь Эбаноидзе в статье «О новелле „Кровь Вельзунгов“», опубликованной в том же журнале, с. 283—286.

касается и тебя. Он говорил о своей новой новелле, которая зимой должна выйти в „Нойе рундшау“. Но в этом рассказе есть нечто особенное, заявил он, и он не хотел бы отсылать рукопись, не показав ее нам — мне в том числе — и не заручившись нашим согласием. В назначенное время мы втроем сидели в комнате моей матери. Мысль о том, что отец тоже захотел бы послушать, никому не приходила в голову: литература интересовала его меньше всего на свете. После того как Томас закончил чтение, первой заговорила мать. Она поздравила автора, нашла его работу „превосходной“, при этом деликатная тема разработана на таком высоком художественном уровне, так тонко и ненавязчиво, что против публикации действительно нет никаких возражений»⁵.

Время чтения новеллы в доме Прингсхаймов, указанное в этом отрывке — конец лета 1905 года, — вызывает сомнение, о чем мы еще поговорим. Сейчас же интересно мнение самого Клауса, который мог бы обидеться, что списанный с него герой новеллы совершает неблагоприятный поступок со своей сестрой. Но ничего подобного. Он пишет:

«Я чувствовал себя даже немного польщенным, когда в некоторых поступках и оборотах речи юного героя рассказа узнавал себя — скорее, польщенным, чем смущенным — и присоединился к оценке матери без всяких оговорок» (Klaus Pringsheim, 257).

После этого Томас Манн с легким сердцем отослал рукопись новеллы в Берлин и на время забыл о ней, так как на него навалились другие проблемы и переживания.

Далее, по словам Клауса, произошло следующее. Поздней осенью 1905 года в один книжный магазин на Бриннерштрассе, что в двух шагах от виллы Альфреда Прингсхайма на улице Арси, привезли большую партию книг из издательского дома Самуэля Фишера, тогда располагавшегося в Берлине. Книги предназначались для грядущей рождественской распродажи и были упакованы в пачки, оберточной бумагой, как обычно, служили испорченные или ненужные печатные листы от других книг и журналов. Молодой человек, которого Клаус называет *«литературный юноша из Вены»*, помогал продавцам распаковывать товар и обратил внимание, что на оберточной бумаге напечатан какой-то художественный текст. Собрав все нужные листы вместе, он понял, что перед ним неизвестная ему новелла Томаса Манна *«Кровь Вельзунгов»*. Текст должен был выйти в январском номере журнала *«Нойе рундшау»*, тираж которого уже начал печататься в типографии. Прочитав еще не опубликованный рассказ, юный волонтер понял, что в его руках оказалась сенсация. Долго такую находку держать втайне от друзей он не мог, и скоро по городу поползли слухи:

«Автор „Будденброков“, который в феврале взял в жены единственную дочку известного математика, вагнерианца, коллекционера произведений искусства Альфреда Прингсхайма, описывает в некоторой новелле греховную связь близнецов из еврейской семьи, Зигмунда и Зиглинды, а также жалкую роль, которую должен был играть в ее семье жених девушки, позорно обманутый фон Бекерат. Кто послужил автору моделью для близнецов и из какой они семьи, было очевидно. Ясно, что речь идет о мести писателя; с разоблачением юной супруги он мстил за все унижения, которые пришлось ему претерпеть в ее родительском доме» (Klaus Pringsheim, 254).

⁵ Pringsheim Klaus. Ein Nachtrag zu *«Wälsungenblut»*. In: Wenzel Georg (Hrsg.). *Betrachtungen und Überblick. Zum Werk Thomas Manns*. Aufbau-Verlag, Berlin, Weimar 1966, S. 257. В дальнейшем ссылки на эту работу будут даваться в круглых скобках с указанием слов «Klaus Pringsheim» и номера страницы.

Вскоре в гостиных, кафе и пивных баварской столицы начались разговоры о скандальном инциденте в некогда уважаемом доме. Ведь когда-то, по словам Бруно Вальтера, часто там бывавшего, «в гостеприимном доме на улице Арси в большие вечера можно было встретить „весь Мюнхен“»⁶.

Дом на улице Арси, 12 служил городской достопримечательностью. Коллекции художественных ценностей, прежде всего средневековой итальянской майолики, собранные Альфредом Прингсхаймом, приходили осмотреть интересующиеся любители и знатоки со всего мира, американские миллионеры и члены королевских фамилий...

Нетрудно себе представить, какой гнев должны были вызвать у хозяина дома слухи, задевающие честь семьи и его честь, первоклассного ученого, тонкого знатока музыки и искусства, гостеприимного хозяина...

Отметим еще одну слабость в версии Клауса. Выходит, что новеллу Томаса Манна еще до появления слухов все же напечатали в Берлине. Но далее пойдет речь о том, что автор дал команду не печатать и вернуть рукопись назад. Если новелла уже напечатана, то команда должна была бы быть иной. К этому мы еще вернемся.

О слухах в городе Хедвиг Прингсхайм узнала от своей близкой знакомой, порекомендовавшей запретить публикацию новеллы, чтобы не было хуже. Хедвиг поняла, что обязана немедленно все рассказать мужу. Пережив скандал с тещиним романом «Сибилла Дальмар», получить теперь такой удар от зятя — это было бы слишком для впечатлительного и вспыльчивого профессора. Его реакция могла быть непредсказуемой.

Как и следовало ожидать, Альфред был взбешен. Он захотел немедленно встретиться с зятем, чтобы потребовать отчета. Но так получилось, что Томас Манн именно в этот день находился в отъезде. Возвращение писателя в Мюнхен планировалось на следующий день утром, а во второй половине дня профессор собирался навестить зятя и во всем разобраться. Все предвещало семейную катастрофу. Впоследствии ходили слухи, что старший Прингсхайм ворвался в квартиру Томаса с револьвером в руке, но Клаус утверждал, что, насколько ему известно, револьвера в доме никогда не было (Klaus Pringsheim, 258).

В «Послесловие к „Крови Вельзунгов“» Клаус рассказал, что произошло на следующий день:

«Я стоял перед спальным вагоном только что подошедшего ночного экспресса. Зять поблагодарил меня за то, что я оказал ему внимание и пришел встретить, мы обменялись парой сердечных слов. Когда мы расставались, я сказал, что хотел бы еще раз увидеть его до обеда, если это ему подходит. Речь идет об очень спешном деле, которое я хотел бы с ним обсудить. Почему нет, около одиннадцати; после того, как он немного освежится и отдохнет, он будет ждать меня. Там, в его комнате, я рассказал, что произошло. Он слушал, качая головой, потом, не дав мне закончить, заявил: „Естественно, я телеграфирую немедленно Фишеру, чтобы новеллу забрать назад“. Срочная телеграмма — телеграфное подтверждение, которое, в общем, и не нужно было, — пришла в тот же день» (Klaus Pringsheim, 258).

Клаус вернулся домой немного успокоенным. За обедом царила грозная обстановка, все молчали. Профессор с мрачной решительностью ел суп. Наконец кто-то робко спросил, а что будет, если Томми откажется отозвать новеллу из журнала? Клаус решил, что настал его момент:

«„Этого не будет, он уже телеграфировал в издательство, что он свою историю забирает“. — Я сказал это приглушенным тоном, думая ослабить шоковое действие,

⁶ Walter Bruno. Thema und Variationen. Erinnerungen und Gedanken. S. Fischer Verlag, Frankfurt a. M. 1960, S. 273.

которое вызовет мое открытие. Однако то, что последовало, было похоже на взрыв бомбы» (Klaus Pringsheim, 258).

Клауса поразило, что мать сидела с таким видом, будто не она пару месяцев назад одобрила публикацию новеллы в журнале. Отца выступление сына так задело, что, похоже, весь накопленный со вчерашнего дня гнев вырвался наружу. Альфред чувствовал себя обманутым, его отцовская честь была запятнана, а тут еще его младший сын захотел снять напряжение, считая, что инцидент исчерпан. Высказывание Клауса словно придало профессору новые силы, он вскочил, чтобы немедленно идти к мужу своей дочери и сказать ему все, что он о нем думает.

Разговор тестя с зятем прошел без свидетелей, с глазу на глаз. Что сказал Прингсхайм Томасу Манну, точно не известно. Писатель ответил на следующий день письмом, но примирение не было достигнуто.

Размолвка продолжалась долго, и потребовалось много женской мудрости с обеих сторон, чтобы восстановить мир в семье.

Немного хронологии

В августе 1905 года Томас с Катей отдыхали в Сопоте под Данцигом. Вернувшись домой, писатель в письме от 3 сентября 1905 года рассказывает романистке Иде Бой-Эд, хозяйке знаменитого литературного салона в Любеке, как прошел отдых:

«Так мило и бодро, так прекрасно и трогательно было пребывание тут в начале, так мрачно и отвратительно стало оно в конце; барометр колебался между дождем и бурей, но в наличии было все, и дождь, и буря, море смешано с грязью, дорожки превратились в пюре, в Данциге — сплошная холера, все в целом — серость» (Briefe I, 323).

Плохая погода иногда помогает творчеству — не дает писателю отвлечься, и Томас Манн успел за короткий отпуск написать большую часть новеллы «Кровь Вельзунгов». В том же письме Иде Бой-Эд, помогавшей молодому писателю добиться известности, он докладывает о проделанной работе:

«Начата большая новелла, история принца, кроме того, я написал небольшую, очень независимую новеллу, действие которой происходит в Западном Берлине» (Briefe I, 323–324)⁷.

Окончание новеллы пришлось на октябрь или начало ноября. В письме брату Генриху от 17 октября 1905 года Томас пишет:

«Поскольку погода прояснилась, я кончу в ближайшие дни свою тиргартеновскую новеллу, которая будет напечатана сперва в январском номере „Нойе рундшай“ и потом не посрамит том с „Крл. [Королевским] высочеством“⁸.

Как видно, в это время «Королевское высочество» рассматривалось как название еще одной новеллы и сборника рассказов, мыслей о романе тогда не возникало.

⁷ «Большая новелла» через пару лет превратится в роман «Королевское высочество», вышедший в свет в 1909 году, а небольшая, «очень независимая» новела — это и есть «Кровь Вельзунгов».

⁸ Манн Г., Манн Т. Эпоха; Жизнь; Творчество. М.: Прогресс, 1988. С. 82. В дальнейшем ссылки на эту книгу будут даваться в круглых скобках с указанием слов «Манна Г.-Т.» и номера страницы.

Так часто случалось с Томасом Манном — начиналась писаться новелла или рассказ, а получался роман, иногда в нескольких томах.

То, что новелла «*Кровь Вельзунгов*» занимала в творчестве Манна особую роль, свидетельствует еще одно место из цитированного письма брату:

«Слава богу, я постепенно опять становлюсь художником. Последний мой год, год помолвки и свадьбы, был мучительно непродуктивен. Теперь я вжился и работаю регулярно» (Манна Г.-Т., 82).

Но именно новый семейный статус писателя, свежее испеченного супруга, стал причиной серьезных осложнений и в личной, и в творческой жизни. Использование в новой новелле впечатлений времен сватовства — роскошной виллы Прингсхаймов на улице Арси, еще более шикарного дворца родственников Кати в Берлине, — несомненно, бросало тень на его новую родню, заставляло думать, что рассказ — про них.

Подспудно это чувствовал и сам писатель. Не случайно он настойчиво подчеркивает, что его новелла «*очень независима*» (см. приведенное выше письмо Иде Бой-Эд от 3 сентября 1905 года). Еще раз этот эпитет использовал Томас Манн в письме брату Генриху от 17 января 1906 года:

«Так вот, коротко и холодно: вернувшись из декабрьской поездки, я застал здесь слух, будто я написал какую-то резко „антисемитскую“ (!) новеллу, где страшно компрометирую семью своей жены. Что мне было делать? Я окинул внутренним взором свою новеллу и нашел, что при всей своей невинности и независимости она не очень-то способна подавить этот слух. И должен признать, что в человеческо-общественном смысле я уже не свободен. Я послал, стало быть, несколько властных телеграмм в Берлин и добился того, что январский номер „Рундшау“, который был уже совсем готов, вышел без „Крови Вельзунгов“. Фишер взял на себя (из страха перед Лангеном⁹) расходы по новому тиражу, вероятно, вовсе не такие уж огорчительные» (Манна Г.-Т., 87–88).

По поводу расходов на новую печать номера Томас Манн, скорее всего, лукавит перед братом — потери должны были быть вовсе не маленькими. По слухам, Самуэль Фишер получил от Альфреда Прингсхайма около 6000 рейхсмарок. Об этом написал в своем дневнике 25 января 1906 года австрийский писатель Артур Шницлер¹⁰.

Не совсем ясно, когда поползли по Мюнхену слухи о клевете Томаса Манна на родню своей жены. Верить воспоминаниям Клауса Прингсхайма в этом вопросе не приходится — слишком много ошибок и натяжек они содержат, слишком предвзят автор, желающий снять с автора новеллы подозрения в желании мести и антисемитизме. Другие участники конфликта — Томас и Катя Манн — не оставили каких-либо развернутых воспоминаний о событиях вокруг «антисемитской новеллы». В своих «*Ненаписанных воспоминаниях*» Катя просто оценила тот скандал как «*Много шума из ничего*»¹¹.

Томас Манн высказался о том же много лет спустя, когда в 1931 году появился французский перевод новеллы и журналисты не упустили случай вспомнить револьвер в руках Альфреда Прингсхайма, с которым тот якобы прибежал к Томасу для выяснения отношений. Назвав выдумки журналистов блажью и враньем, писатель

⁹ Альберт Ланген (Albert Langen, 1869–1909) — немецкий издатель, основатель журнала «Симплициссимус».

¹⁰ Vaget Hans Rudolf. Von hoffnungslos anderer Art. In: Dierks Manfred, Wimmer Ruprecht (Hrg.). Thomas Mann und das Judentum. Vittorio Klostermann, Frankfurt a. M. 2004, S. 35.

¹¹ Mann Katia. Meine ungeschriebenen Memoiren. S. Fischer Verlag, Frankfurt a. M. 1974, S. 74. В дальнейшем ссылки на эту книгу будут даваться в круглых скобках с указанием слова Katia и номера страницы.

ничего не сказал ни о реальной последовательности событий после его возвращения в Мюнхен, ни о разговоре с тестем, ни об источнике слухов¹².

Последовательность событий постараемся восстановить по косвенным данным. Окончательно структура новеллы стала ясна автору в середине октября, когда он написал брату уже цитированную фразу: «я кончу в ближайшие дни свою *тургар-теновскую новеллу*» (письмо от 17 октября 1905 года). Поэтому чтение новеллы для Хедвиг и Клауса Прингсхаймов состоялось, скорее всего, в начале ноября. Слова Клауса, что чтение произошло «в конце лета» (Klaus Pringsheim, 257), нужно признать aberrацией памяти, ибо тогда новелла еще не была готова.

Некоторые биографы Томаса Манна полагают, что он послал рукопись в Берлин без предварительного чтения в доме Прингсхаймов, а когда получил назад текст с замечаниями редактора, то писателя одолели сомнения и он решил заручиться согласием родственников жены. Так считают, например, Инге и Вальтер Йенс, авторы серии биографических книг о Маннах и Прингсхаймах. В книге «*Фрау Томас Манн*» они пишут:

«Издательство С. Фишера с радостью согласилось опубликовать это вполне удавшееся автору художественное произведение в ближайшем номере „*Нойе рундшау*“. Однако во время чтения корректуры Томасом Манном овладели сомнения, не истолкуют ли превратно его рассказ, поэтому он решил проверить свои опасения, прочитав его шурину и теще»¹³.

Думается, что такое предположение маловероятно. У Томаса Манн был уже неудачный опыт публикации рассказа «*У пророка*», вызвавшего раздражение Хедвиг Прингсхайм. Вряд ли писатель осмелился второй раз рисковать, тем более содержание его новой «независимой» новеллы давало куда больше повода для обид и огорчений со стороны Прингсхаймов. Об этом же пишет Клаус Прингсхайм в уже цитированном «Предисловии»: «...он не хотел бы отсылать рукопись, не показав ее нам — мне в том числе — и не заручившись нашим согласием».

Итак, можно с большой долей уверенности утверждать, что к началу ноября, когда состоялось чтение нового произведения Томаса в комнате Хедвиг Прингсхайм, еще никаких слухов и сплетен о скандальном содержании новеллы не было.

6 декабря Томас Манн слушал в королевской мюнхенской опере вагнеровских «*Валькирий*», звучавших и в его новелле, а 9 декабря отправился в недельную поездку в Прагу, Дрезден и Бреслау с лекциями и чтением своих произведений. Как и планировалось, в Мюнхен он вернулся 15 декабря¹⁴. Здесь, на перроне, его и встретил Клаус Прингсхайм с известием о слухах, заполнивших город.

Значит, слухи появились в промежуток времени со дня чтения новеллы в доме Прингсхаймов до начала декабря. Кто же был источником слухов? Кто сделал содержание новеллы достоянием толпы? Здесь возможны только предположения, точно сказать мы вряд ли сможем. Вполне вероятно, что на чтении в комнате Хедвиг Прингсхайм присутствовал еще какой-то третий слушатель. Нельзя исключить также, что сам автор показал кому-то рукопись или рассказал о содержании — ведь он охотно рассуждал в письмах о своей «независимой новелле». Как бы то ни было,

¹² Mann Thomas. Noch einmal «*Wälsungenblut*». In: Mann Thomas. Rede und Antwort: Über eigene Werke; Huldigungen und Kränze: Über Freunde, Weggefährten und Zeitgenossen. S. Fischer Verlag. Frankfurt a. M. 1984.

¹³ Йенс Инге и Вальтер. Фрау Томас Манн. Перевод с немецкого И. Солодуниной. М.: Издательство Б.С.Г.—ПРЕСС, 2007. С. 99.

¹⁴ Heine Gert, Schommer Paul. Thomas Mann Chronik. Vittorio Klostermann. Frankfurt a. M. 2004, S. 40—41.

но к возвращению Томаса Манна в Мюнхен 15 декабря 1905 года положение накалилось, от разгневанного Альфреда Прингсхайма можно было ждать чего угодно.

Рассказу Клауса Прингсхайма о случившемся дальше можно верить. Он предупредил зятя о возможной семейной буре и посоветовал забрать новеллу из журналов, чтобы избежать разговора с отцом. Несмотря на то, что Томас сделал все, что от него требовалось, беседы с разгневанным профессором избежать не удалось. Письмо, которое написал на следующий день Томас, не помогло снять напряжение в отношениях с родственниками жены.

Об обстановке в доме Прингсхаймов красноречиво свидетельствует письмо Хедвиг ее близкому другу Максимилиану Гардену 26 декабря 1905 года, во второй день рождественских праздников:

«О, Гарден, у меня плохое Рождество! Кроме моего Эрика, о котором я думаю с горькой болью, виновато кое-что иное, от зятя Томми, что я Вам как-нибудь позже расскажу. Он нам сильно отравил праздник. Моя бедная маленькая Катя все еще весьма бледна, весьма слаба, весьма несчастна, и она принимает все близко к сердцу»¹⁵.

Однако Альфред Прингсхайм слишком любил свою единственную дочь, чтобы бесповоротно рвать отношения с ее мужем. Постепенно все утряслось, и через месяц в доме уже царил мир. Хедвиг Прингсхайм с облегчением сообщает Гардену 23 января 1906 года:

«С Томми и его семьей все в порядке. Эрика хорошо растет у материнской груди, и небольшие неувязки с зятем улажены» (Hedwig, 42).

Однако на этом скандал с «историей на еврейскую тему» не закончился. В феврале 1906 года появились новые обстоятельства. 6 февраля Томас Манн написал довольно резкое письмо своему издателю Самуэлю Фишеру:

«Вот тебе раз! Мне сообщают, что один местный книжный торговец получил от С. Фишера партию книг и заметил, что на одном оборотном листе бумаге напечатана часть „Крови Вельзунгов“. Так не пойдет! Тем самым запрет на печатание становится иллюзорным. Вы не поверите, с какой жадностью тут набрасываются на эту историю. Если Вы хотите, чтобы я оставался спокойным в обстановке глупости и злобы, которая меня окружает с тех пор, как я занимаю заметное положение в обществе, то потрудитесь, чтобы эта неосторожность больше не повторялась. Пошлите мне имеющиеся оттиски или уничтожьте их сами, это, пожалуй, лучше всего»¹⁶.

А произошло то, что Клаус Прингсхайм описал как повод для скандала, хотя описанное ниже случилось после того, как первые страсти по злосчастной новелле уже улеглись. Юного волонтера в книжном магазине, которого Клаус назвал «литературным юношей из Вены», звали Рудольф Бреттшнайдер (Rudolf Brettschneider). Он сам впоследствии описал случившееся в своих воспоминаниях. Среди макулатуры,

¹⁵ Pringsheim Hedwig. Meine Manns. Briefe an Maximilian Harden. Aufbau Verlagsgruppe, Berlin 2008, S. 40. В дальнейшем ссылки на эту работу будут даваться в круглых скобках с указанием слова «Hedwig» и номера страницы. Эрик — старший сын Прингсхаймов, который за недостойное поведение был сослан отцом в июне 1905 года в Аргентину, где через несколько лет умер при странных обстоятельствах (известие о смерти пришло в начале 1909 года).

¹⁶ Wysling Hans (Hrsg.) Dichter über ihre Dichtungen. Thomas Mann. Teil I: 1889—1917. Heimeran/S. Fischer 1975, S. 227. Подчеркнутое предложение выделено Томасом Манном. В дальнейшем ссылки на эту работу будут даваться в круглых скобках с указанием слова «DüD» и номера страницы.

которую издательство Самуила Фишера использовало как оберточную бумагу, он нашел странные оттиски какой-то статьи. На оттисках не было ни автора, ни названия, но продвинутый в литературе юноша распознал стиль Томаса Манна. Вскоре от литераторов и художников, которых объединил в Мюнхене австрийский литератор, редактор журнала «*Инзель*» («*Остров*») Франц Бляй, Рудольф узнал о недавнем скандале, связанном с новой новеллой Манна. Поняв, что в его руки попала неслыханная литературная редкость, он стал ждать новых посланий из издательства С. Фишера. В конце концов ему удалось собрать все листы новеллы, опубликовать которую автор запретил. Примерно пятнадцать лет спустя Бреттшнайдер признавался:

«Сохраненные, сброшюрованные и переплетенные листы долгое время были, без сомнения, самым ценным владением в моей довольно скромной библиотеке»¹⁷.

О том, что он пустил текст неопубликованной новеллы «по рукам», Бреттшнайдер ничего не пишет. Скорее всего, он понимал, что поступает незаконно, нарушая авторские права Томаса Манна. Однако точно установлено, что этот текст в машинописных копиях разошелся среди читателей. Один экземпляр такой копии хранится в архиве Томаса Манна в Швейцарии¹⁸. Возможно, что именно этот экземпляр попал в руки какого-то берлинского книжного торговца, предложившего Томасу Манну издать новеллу. Об этом есть запись в дневнике от 10 июня 1919 года:

«Один берлинский торговец книгами сообщил мне, что у него есть машинописная копия „Крови Вельзунгов“, и он хотел бы ее издать. Я потребовал ее выдачи»¹⁹.

Появление копий неопубликованной новеллы снова обострило отношения в доме Прингсхаймов. Даже через полгода после письма Томаса Манна Самуэлю Фишеру происшедшее еще живо обсуждается в переписке Хедвиг Прингсхайм и Максимилиана Гардена. 1 августа 1906 года Хедвиг возмущается:

«Подумайте только, дело, связанное с публикацией „Крови Вельзунгов“ на оберточной бумаге, имеет еще больший размах, чем мы думали. Один клерк из книжного магазина Яффе собрал таким образом полный экземпляр новеллы и пустил ее в свет. Так как речь может идти только о мошенничестве какого-то сотрудника издательства Фишера, то мне кажется абсолютно возмутительным то, что такое вообще могло произойти. Неужели наш любимый Мюнхен – трущоба?» (Hedwig, 51).

Скандал вокруг новеллы «*Кровь Вельзунгов*» — один из крупнейших в немецкой литературе XX века. Он так сильно подействовал на писателя, что он до конца жизни воздерживался от публикации новеллы для широкого читателя. Только один раз в 1920 году, когда стало казаться, что все «быльем поросло», он согласился на предложение своего мюнхенского знакомого издателя Георга Мартина Рихтера (Georg Martin Richter, 1875–1942) выпустить новеллу для узкого круга ценителей прекрасно. Всего должно было быть издано 530 нумерованных экземпляров на роскошной

¹⁷ Brettschneider Rudolf. Die Entdeckung des «Wälsungenblut». Die Bücherstube. Buchhandlung Stobbe, München, Oktober 1920, S. 110–112.

¹⁸ Reed Terence J. Kommentar zu «Wälsungenblut». In: Mann Thomas. Frühe Erzählungen. 1893–1912. Kommentar. Band 2.2. S. Fischer Verlag Frankfurt a. M. 2004, S. 323. В дальнейшем ссылки на эту работу будут даваться в круглых скобках с указанием слова «Kommentar» и номера страницы.

¹⁹ Mann Thomas. Tagebücher 1918–1921, herausgegeben von Peter de Mendelssohn. S. Fischer Verlag, Frankfurt am Main 1979, S. 262. В дальнейшем ссылки на эту книгу будут даваться в круглых скобках с указанием слов «Tagebücher 1918–1921» и номера страницы.

бумаге в сафьяновых переплетах с иллюстрациями художника Томаса Теодора Гейне (Thomas Theodor Heine, 1867—1948), близко знакомого с семьей Прингсхаймов.

Работа у художника продвигалась небыстро, им сделано в общей сложности тридцать иллюстраций, из них десять — на целую страницу. Книга увидела свет только в 1921 году.

Публикация новеллы вновь вызвала раздоры внутри семьи. Правда, Альфред Прингсхайм против ограниченного издания для библиофилов не возражал. Об этом Томас оставил запись в дневнике 25 января 1920 года, как только поступило предложение от Рихтера:

«Тайный сов.[етник] Пр.[ингсхайм] не ставит препятствий для частного издания „Вельз.[унгов]“» (Tagebücher 1918—1921, 373).

Однако через год старые раны снова дали о себе знать. В понедельник 2 мая 1921 года Томас пишет в дневнике:

«Вечером нервный срыв в противостояниях с К.[атея] о новелле „Кровь Вельзунгов“ и еще об одной бестактной замечке, которая разозлила ее отца. Высказались и помирились. Давление на меня растет» (Tagebücher 1918—1921, 512).

«Бестактная замечка», о которой идет речь в этой записи, — это как раз опубликованные в 1920 году воспоминания Рудольфа Бреттшнайдера «Открытие „Крови Вельзунгов“».

Художник нового издания Т.-Т. Гейне писал своему другу Альфреду Кубину (Alfred Kubin, 1877—1959):

«Скоро вышлю тебе книгу (как только печать будет готова), которую я иллюстрирую. Это первые литографии, которые я делаю. Я не очень доволен, литографии все же это не мое. Это книга о Прингсхаймах Томаса Манна»²⁰.

Гейне без колебаний называет новеллу «Кровь Вельзунгов» книгой о Прингсхаймах. Для всех, кто бывал в доме на улице Арси, 12, это было очевидно. Убедимся и мы, что такое мнение имело под собой серьезные основания.

«Атлеты бестактности»

Мы видели, что писатель проявил осмотрительность и осторожность, прочитав предварительно новеллу родственникам жены и заручившись их согласием на публикацию. Поэтому обвинять его в том, что он вообще не обращает внимания на чувства людей, являвшихся прототипами его героев, как это делает биограф Манна Клаус Харппрехт, называя Томаса и его брата Генриха «атлетами бестактности»²¹, не совсем справедливо.

Однако в новелле слишком много скрытых и явных указаний автора на то, что действие происходит в доме по улице Арси, 12, чтобы оставить это без внимания. Правда, хозяин виллы в Тиргартене коллекционирует не майолику, не картины и не серебряные и золотые изделия, как Альфред Прингсхайм. Господин Ааренхольд собирает всего лишь антикварные книги: «Он постоянно приобретал литературные древ-

²⁰ Ralf Thomas (Hrsg.). Du nimmst das alles viel zu tragisch. Briefe von Th. Th. Heine an Alfred Kubin. 1912—1947. München 2009, S. 21.

²¹ Harpprecht Klaus. Thomas Mann. Eine Biographie. Rowohlt, Hamburg 1995, S. 269.

ности, первоиздания на всех языках — бесценное, подгнившее старье» (Кровь Вельсунгов, 491).

Зато в тексте есть тонкие намеки на то, какие именно сокровища хранились в шкафах и витринах, расставленных вдоль стен роскошной столовой в доме Прингсхайма. Речь идет об именах героев новеллы — хозяина дома Ааренхольда и жениха его дочери чиновника фон Бекерата. Скорее всего, эти имена Томас Манн услышал впервые во время разговоров именно в этой столовой, причем из уст самого Альфреда Прингсхайма. Дело в том, что крупный берлинский текстильный промышленник Адольф фон Бекерат (Adolf von Beckerath, 1834—1915), родом из Крефельда, считался в Германии основным конкурентом Альфреда Прингсхайма по части коллекционирования средневековой итальянской майолики. Когда его коллекция распродавалась с аукционов в 1913 и 1916 годах, то некоторые образцы были куплены Прингсхаймом, а часть других попала в Берлинский музей декоративно-прикладного искусства. Фон Бекерат был одним из немногих немцев среди крупных берлинских коллекционеров искусства, большинство из которых имели еврейское происхождение. Возможно, именно поэтому Томас Манн выбрал это имя для жениха Зиглинды, так как сокровенным желанием Ааренхольдов было войти в высшее немецкое общество.

Фон Бекерат из новеллы Томаса Манна «*был чиновник из знатной семьи — бородка клинышком, маленький, канареечного цвета и ревностной учтивости*» (Кровь Вельсунгов, 493). В смысле учтивости его прототип был прямой противоположностью. Если верить воспоминаниями известного историка искусств и музейного деятеля Вильгельма фон Боде (Wilhelm von Bode, 1845—1929), реальный Бекерат отличался «*дурными манерами и озорством неумного холостяка, что было подчас непереносимо*»²².

Фамилия Ааренхольд тоже напоминает об известном предпринимателе, меценате и коллекционере Эдуарде Арнхольде (Eduard Arnhold, 1849—1925). Свое состояние он, как и отец Альфреда, Рудольф Прингсхайм, сделал на торговле каменным углем, добываемом в Силезии. Он был единственным евреем, назначенным кайзером членом верхней палаты прусского парламента (Herrenhaus). Он, как Альфред Прингсхайм и Адольф фон Бекерат, коллекционировал майолику и произведения живописи.

Господин Ааренхольд из новеллы Томаса Манна тоже разбогател на угольном бизнесе:

«Родившись в дальнем местечке у восточных границ и взяв в жены дочь состоятельного торговца, господин Ааренхольд, смелый и умный предприниматель, посредством великолепных махинаций, имевших предметом горное дело — развитие угольного месторождения, — направил в свою кассу мощный и неиссякаемый поток золота...» (Кровь Вельсунгов, 496).

И Альфред, и Рудольф Прингсхаймы родились «*в дальнем местечке у восточных границ*» — в Силезии, на границе с Польшей, Альфред — в городке Олау (Ohlau) в 1850 году, его отец Рудольф — в местечке Эльс (Oels) в 1821 году.

Внутреннее убранство и оборудование дома Ааренхольда в деталях совпадает с описанием виллы Альфреда Прингсхайма в Мюнхене. Это здание не сохранилось, нацисты, придя к власти, заставили Альфреда продать дом, чтобы немедленно его снести и на этом месте построить Управление национал-социалистической партии (Verwaltungsbau). Но сохранились планы постройки, фотографии, воспоминания современников. По этим материалам по заказу Баварской академии наук историк Ханно Вальтер Круфт реконструировал внешний и внутренний вид виллы на ули-

²² Bode Wilhelm von. Mein Leben. Reckendorf Verlag, Berlin 1930, S. 193.

це Арси, 12²³. Вот что он говорил в докладе на заседании философско-исторического отделения академии 30 октября 1992 года:

«Все представительские и жилые помещения лежат на первом этаже. На обустройство дома не жалели средств. Поднимаясь по лестнице в сводчатый холл, попадаешь в двухэтажную „прихожую“, из которой одна лестница вела на второй этаж. Самым большим и роскошным помещением был музыкальный зал, соединенный через венецианскую арку с библиотекой... Небольшой кабинет хозяина дома располагался за библиотекой и выходил окнами в сад. Отсюда еще одна лестница вела на второй этаж в спальню. Столовая находилась на другой стороне от прихожей и площадью около 65 квадратных метров была сравнима с музыкальным залом. Как видно на photographиях, потолок и стены отделаны деревянными панелями. В библиотеке и в столовой выставлены для просмотра части прингсхаймовских коллекций»²⁴.

Похожий вид имела внутренность виллы Ааренхольда в новелле Томаса Манна. Вот, например, описание столовой:

«В колоссальной, выложенной коврами и по кругу обшитой буасери восемнадцатого века столовой, где с потолка свисали три электрические люстры, семейный стол, накрытый на семь персон, терялся. Он был придвинут к большому, до пола, окну, под которым за невысокой решеткой плясала изящная серебряная струя фонтана и из которого открывалась широкая панорама зимнего еще сада. Gobелены с пастушескими идиллиями, как и деревянная обшивка, прежде украшавшие французский замок, покрывали верхнюю часть стен» (Кровь Вельсунгов, 494).

Суп бесшумно спускался в столовую со второго этажа из кухни по лебедке, которая уходила в буфет. Такой же лифт действовал и в доме Прингсхаймов. Список таких совпадений можно продолжить.

Как и у Прингсхаймов, младшими детьми Ааренхольдов являются близнецы, брат и сестра, имена которых указывают на то, что их отец — страстный вагнерианец. Зигмунд и Зиглинда — персонажи музыкальной драмы Вагнера *«Валькирия»*, второй части тетралогии *«Кольцо Нибелунга»*. Имена всех четырех детей Ааренхольдов (старшего сына и дочь зовут Кнут и Мерит) подчеркнута германские, хотя еврейское происхождение всех членов семьи автор не просто отмечает, но настойчиво подчеркивает.

«...под чужим, более жарким солнцем»

В письме брату Генриху от 20 ноября 1905 года Томас Манн назвал новеллу *«Кровь Вельсунгов» «историей на еврейскую тему»* (Манна Г.-Т., 84)²⁵. Сегодня внимательному читателю новеллы очевидно то, что, возможно, не было так заметно в начале XX века. При описании еврейских черт своих героев, будь то физические характеристики, особенности языка и мышления или социальные признаки, автор использует откровенно антисемитские клише. При этом автор осторожен. В письме Генриху от 5 декабря он признается:

²³ Сейчас по этому адресу стоит другое здание, построенное нацистами как «Дом фюрера». Теперь там расположена мюнхенская консерватория («Высшая школа музыки и театра»). Из-за перестройки нумерации домов сейчас и до 1933 года не совпадают.

²⁴ Kruft Hanno-Walter. Alfred Pringsheim, Hans Thoma, Thomas Mann. Eine Münchner Konstellation. Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, München 1993, S. 7.

²⁵ В оригинале Томас Манн использует слово «Judengeschichte» «история евреев», см.: Briefe I, 333.

«Слова „еврей“, „еврейский“ не встречаются. Есть лишь очень сдержанный намек-другой на еврейскую интонацию. О господине Ааренхольде сказано, что он „родился на Востоке, в далеком месте“» (Манна Г.-Т., 85).

И все же еврейство героев новеллы не просто подчеркивается, оно подается карикатурно, с нескрываемой антипатией со стороны автора.

Все члены семьи Ааренхольдов имеют прототипы в доме Прингсхайма. И только мать семейства изображена так, что никакого сходства с Хедвиг Прингсхайм в ней не найти. Хедвиг — красавица, мы помним слова Клауса Манна: *«обольстительная смесь венецианской красоты а-ля Тициан и загадочной гранд-дамы а-ля Генрих Ибсен»*. А в новелле мать — *«низенькая, некрасивая, рано постаревшая, словно высохшая под чужим, более жарким солнцем»*. Чтобы подчеркнуть безвкусию и богатство, упомянуты классические бриллиантовые ожерелье и брошь (Кровь Вельсунгов, 492). Томас Манн словно боялся нового гнева тещи, подобного тому, что случилось при чтении рассказа «У пророка». Зато с остальными членами семьи писатель не церемонился.

Старший сын Ааренхольдов, Кнут, представлен как *«красивый, загорелый человек»*, но с этим соседствует клише, типичное для антисемитских изображений евреев: *«с вывернутыми губами»*. Для описания внешности его сестры Мерит используются образы животного мира: *«орлиный нос, серые глаза хищной птицы»* (Кровь Вельсунгов, 492).

У близнецов, Зигмунда и Зиглинды, *«одинаковые, чуть приплюснутые носы, одинаковые полно, мягко смыкающиеся губы, выступающие скулы, черные блестящие глаза»* (Кровь Вельсунгов, 493). Кроме того, у Зигмунда выделяются *«густые, черные, курчавые, силой зачесанные на пробор волосы, которые начинали расти низко на висках, и сами глаза под сильными сросшимися бровями — эти большие, черные, влажно-блестящие глаза»* (Кровь Вельсунгов, 520).

Зигмунд чрезвычайно чувствителен к запахам, постоянно пользуется косметикой и благовониями, и *«ему была присуща такая необычайная и непрестанная потребность мыться, что значительную часть дня он проводил возле умывальника»* (Кровь Вельсунгов, 502). Автор дает понять, что его герой знает, из какого общества он родом. Там, согласно антисемитским стереотипам, царят грязь и вонь, от которых он стремится избавиться.

Что-то звериное есть в описании волос на теле Зигмунда. Щетина его росла столь сильно, что приходилось бриться дважды в день (Кровь Вельсунгов, 502). Его торс был *«мохнатым от черных волос»* (Кровь Вельсунгов, 506). Ласки близнецов тоже напоминают звериные: *«они принялись играть, как щенята, кусаясь одними губами»* (Кровь Вельсунгов, 508). Не так симпатично, но выразительно выглядит сравнение старшего Ааренхольда себя самого с *«червяком, вошью»* (Кровь Вельсунгов, 496).

В юдофобской традиции принято сравнивать евреев со зверями, пресмыкающимися, насекомыми, чтобы отделить их от остального рода человеческого, показать обособленность от других людей. Выражаясь высоким слогом, можно сказать, что такими сравнениями достигается дегуманизация еврея, лишение его человеческого облика.

Показательно начало новеллы, так сказать, ее увертюра. Слуга дома Венделин вышел на площадку второго этажа и бьет колотушкой в гонг, призывая хозяев к столу:

«Медный гул, дикий, каннибальский, несоразмерный цели, проникал повсюду: в салоны направо и налево, в бильярдную, библиотеку, зимний сад, вниз, вверх, по всему дому, равномерно прогретый воздух в котором был изрядно пропитан сладким экзотическим ароматом» (Кровь Вельсунгов, 491).

Гонгом в прямом смысле слова озвучено противоречие между видимой на поверхности роскошью, в которой семья живет в одном из самых престижных районов Берлина, и звериной, «каннибальской», доцивилизационной сущностью этих людей, чей внешний вид свидетельствует о ближневосточных корнях семьи. Об этих корнях напоминает и «выцветший от времени моельный коврик», на котором стоял Венделин.

Духовные черты евреев проявляются прежде всего в языке. В речи матери слышны слова и выражения ее родного языка — идиш, называемого Манном «диалектом»:

«Ее речь была пропитана странными, богатыми на гортанные звуки словами — выражениями из диалекта детства» (Кровь Вельсунгов, 497).

Речь у нее не совсем гладкая, она часто отвечает вопросом на вопрос, не точно выбирает слова:

«— И что ты там такое говоришь? — сказала она. — Ты этому учился? Ты мало учился» (Кровь Вельсунгов, 498).

Близнецы, напротив, говорят на правильном, культурном, можно сказать, изысканном языке. Правда, они иногда используют не очень употребительные, вычурные обороты. Например, желая поторопить брата, Зиглинда обращается к нему:

«— Не смею утаивать от тебя, — сказала она, — что экипаж ждет» (Кровь Вельсунгов, 507).

Или Зигмунд благодарит Бекерата весьма заковыристой фразой, которая в русском, весьма упрощенном, переводе звучит так: «*Покорнейше вас благодарим*» (Кровь Вельсунгов, 501)²⁶.

Близнецы великолепно владеют речью, и это компенсирует, даже с лихвой, все недостатки разговора матери.

«Беседа была оживленной, всеобщей, дети играли в ней решающую роль, они говорили хорошо, жестикулировали нервозно и высокомерно. Они двигались в авангарде вкуса и требовали предельного» (Кровь Вельсунгов, 499).

Речь близнецов активна, даже агрессивна, они постоянно стремятся подавить оппонента, выиграть словесную схватку:

«Дети возражали по любому поводу, будто не возражать казалось им невозможным, жалким, постыдным, возражали превосходно, и глаза их при этом превращались в мечущие короткие молнии прорези. Они накидывались на одно слово, отдельное, использованное им, трепали его, отбрасывали и подбирали другое; смертельно-меткое, оно звенело в воздухе, попадало в яблочко и с дрожанием заседало в нем...» (Кровь Вельсунгов, 500).

Остроумие и образованность служат для демонстрации своего интеллектуально-превосходства не только над родителями, но прежде всего над незадачливым женихом Зиглинды, дворянином из знатной семьи Бекератом.

²⁶ В оригинале «*seien Sie unserer Dankbarkeit wohl versehen*» — дословно «будьте совершенно уверены в нашей благодарности». Это чуть измененная цитата из «Нюрнбергских мастерзингеров» Рихарда Вагнера: «*seid unserer Treue wohl versehen*» (действие первое, сцена третья). Здесь слово «благодарность» заменено на слово «преданность».

Отношение автора новеллы к такой манере поведения откровенно отрицательное. Он полностью разделяет распространенное среди антисемитов клише о разрушающей силе еврейского интеллекта, вооруженного «стальной и абстрактной диалектикой» (Кровь Вельзунгов, 498).

Когда в Германии после Первой мировой войны вспыхнули первые беспорядки, переросшие в Ноябрьскую революцию, Томас Манн видит главную причину в евреях. В дневнике от 8 ноября 1918 года он пишет:

«Это революция! И делают ее почти исключительно евреи. Военными делами руководит лейтенант Кенигсбергер» (Tagebücher 1918–1921, 63).

Здесь же Манн отмечает:

«В Мюнхене, как и во всей Баварии, правят еврейские литераторы. Да сколько же можно? <...> У нас член правительства — такой мерзкий литературный мошенник, как Герцог, спекулянт и делец по духу, из еврейских молодцов больших городов» (Tagebücher 1918–1921, 63).

Страх перед опасным интеллектом евреев сопровождал писателя всю жизнь. В российском большевизме, который угрожал западной культуре, он видит руководящую роль евреев-интеллектуалов. Результат беседы с Катей 2 мая 1919 года Томас записал в дневнике:

«Мы говорили также о таком типе российского еврея, руководителя мирового движения, о взрывоопасной смеси из интеллектуального еврейского радикализма и славянской христианской мечтательности. Если мир не потерял инстинкта самосохранения, он должен со всей энергией и по-военному быстро выступить против такого типа людей» (Tagebücher 1918–1921, 223).

Антисемитское клише о разрушительном еврейском интеллекте оказалось живучим. «Гной еврейского высокоинтеллектуального высокомерия» упоминает Виктор Астафьев в знаменитой переписке 1986 года с Натаном Эйдельманом²⁷.

Похоже, что Томас Манн, работая над новеллой «Кровь Вельзунгов», не отдавал себе отчета в ее недвусмысленной антиеврейской направленности. Показателен его восклицательный знак в письме Генриху Манну от 17 января: «вернувшись из декабрьской поездки, я застал здесь слух, будто я написал какую-то резко „антисемитскую“ (!) новеллу». И хотя он дальше в этом же письме признает, что его новелла «не очень-то способна подавить этот слух», упрек в антисемитизме явно удивляет автора.

С течением времени, однако, на фоне всех трагедий XX века, которые ему суждено пережить как свидетелю, отношение писателя к его раннему произведению менялось. В письме от 19 марта 1948 года Мартину Шлаппнеру (Martin Schlappner, 1919–1998), будущему главному редактору газеты «Нойе цюрхер цайтунг», в 1947 году защитившему диссертацию по Томасу Манну, писатель дает такую оценку «тиргартенской новелле»:

«„Кровь Вельзунгов“ — это действительно устаревшая работа, которая сегодня могла бы вызвать недоразумения. Я не включил ее в новое собрание своих рассказов и не хотел бы, чтобы она Вами была снова воспроизведена» (DüD, 230).

²⁷ См., например, Азадовский Константин. Переписка из двух углов Империи. Вопросы литературы. 2003. № 5.

Спустя некоторое время, 27 апреля 1951 года, Томас пишет письмо шведскому писателю и журналисту Андерсу Эстерлингу (Anders Oesterling, 1884—1981), готовящему сборник рассказов Манна на шведском языке. Автор возражает против включения в него «еврейской новеллы»:

«Контраргумент состоит в том, что историю легко неправильно понять и интерпретировать в антисемитском смысле. Это возражение много весомее в наши дни, чем во времена написания новеллы» (DüD, 231).

«Беганэфт мы его, — гоя!»

Томас Манн придавал большое значение последней фразе текста, так сказать, завершающему аккорду новеллы. По замыслу писателя в конце повествования, уже после сцены инцеста, растерянная Зиглинда обращается к брату с вопросом, как быть теперь с обманутым женихом. Ответ Зигмунда предполагался хлестким, в нем должны были прозвучать мотивы превосходства над несчастным чиновником, мести за предстоящую свадьбу Зиглинды, за неизбежную ассимиляцию еврейской семьи в немецкое общество. Лучше всего, чтобы фраза содержала пару типично еврейских слов, означавших обман, надувательство или что-то подобное. Не владея идишем, Томас в начале осени 1905 года пришел за помощью к тестю, объяснив ему, какие слова нужны ему для новеллы, которую он как раз заканчивает.

Альфред Прингсхайм, по словам его сына Клауса, отнесся к просьбе зятя доброжелательно, правда, не захотел и слушать, о чем эта новелла, как мы знаем, художественной литературой он совершенно не интересовался. Но слово «ганэв» (ganev), означавшее на идиш «обман», «воровство», «обвес», «обсчет», он охотно дал, добавив «филологическое пояснение, касающееся возможных трудностей перевода, что всегда делается, когда отдельное слово, тем более глагол, вставляется из еврейского языка в немецкий текст» (Klaus Pringsheim, 263).

Здесь стоит отметить, что Игорь Эбаноидзе в статье «О новелле „Кровь Вельзунгов“» не прав, утверждая, что «в качестве советника по вопросам идиша Т. Манн привлек своего шурина Клауса Прингсхайма — прототипа Зигмунда Ааренхольда»²⁸.

Дело даже не только в том, что это утверждение противоречит воспоминаниям Клауса Прингсхайма, который подчеркнул, что Томас Манн сам направился к тестю, «что он нечасто делал, с вопросом, точнее, с просьбой» подобрать подходящее к концовке новеллы еврейское слово (Klaus Pringsheim, 262). Клаус не мог быть советником Томаса Манна по вопросам идиша, потому что в доме Прингсхаймов дети росли, не зная, что они евреи. На идиш они не говорили, а отдельные еврейские слова, которыми иногда обменивались родители, воспринимали как семейную игру, проявление каких-то интимных родительских отношений²⁹.

²⁸ Эбаноидзе Игорь. О новелле «Кровь Вельзунгов». В журнале «Ясная Поляна», 1997, №2, с. 284. В этой публикации есть еще пара неточностей. На странице 285 упомянута пара влюбленных из романа «Королевское высочество» Клаус-Генрих и Дитлинда, хотя невесту принца звали Имма Шпельман, а Дитлинда — это сестра принца. Кроме того, на странице 284 утверждается, что Томас Манн отозвал новеллу «и из журнала, и из сборника рассказов, который выходил в издательстве „С. Фишер“». Это верно в отношении журнала «Нойе рундшау», а сборника рассказов с новеллой «Кровь Вельзунгов» еще не существовало. Томас Манн лишь планировал сборник из двух новелл с общим названием «Королевское высочество». Но, как мы уже говорили, задуманная вначале как новелла, «Королевское высочество» выросло до романа, вышедшего в свет в 1909 году.

²⁹ Roggenkamp Viola. Erika Mann. Eine jüdische Tochter. Arche Literatur Verlag, Zürich-Hamburg 2005, S. 20.

В результате консультаций с тестем у Томаса Манна получилась такая концовка новеллы, такая последняя фраза, сказанная Зигмундом: «*Begánéft мы его, — гоя*». В оригинале последняя фраза новеллы звучит так: «*Beganeft haben wir ihn, — den Goy*»³⁰.

Слово «*beganeft*» в значении «обманули», «обворовали» вряд ли предложил бы кто-нибудь из знатоков идиша, это результат ошибочного словотворчества самого Томаса Манна. На идиш глагол «обманывать», «воровать» — *гáнвэнэн (ganvenen)*. Соответственно, в прошедшем времени *гегáнвэт (geganvet)* или *бегáнвэт (beganvet)*.

Томас Манн построил свое слово «*beganeft*» по образцу немецкой грамматики: приставка *ge (be)* + основа глагола + *t*. Но вместо глагола *ganvenen* он взял существительное *ganev*, заменив последнюю букву на *f*, и получилось *beganeft*, которого нет ни в немецком языке, ни в идиш.

Для писателя здесь важен был не конкретный смысл отдельного слова на чужом языке, а именно его «чуждость», «ненормальность». Последняя фраза Зигмунда звучит явным диссонансом к его правильной, изысканной, местами вычурной немецкой речи. Такого диссонанса и добивался Волшебник, как называли Томаса его дети.

Редактору «*Нойе рундшау*» доктору Оскару Би (Oscar Bie, 1864–1938) концовка новеллы не понравилась. По его мнению, последняя фраза выпадала из общего стиля повествования. Об этом подробно рассказывает Томас в письме брату 20 ноября 1905 года:

«...просьба моя касается рукописи, посылаемой тебе в сопровождении этих строк: „Крови Вельзунгов“, истории на еврейскую тему, и в связи с этой рукописью я и прошу у тебя совета, вернее, даже помощи. Новелла должна выйти в январском номере „Нойе рундшау“ и уже сдана в набор. Профессор Би, однако, возражает против конца, против самой последней фразы с иностранными словами, боясь, что средний читатель найдет ее грубой, и умоляет меня, ради его парадного номера, смягчить конец, как смягчал я эту ноту на протяжении новеллы. Но я не хотел кончать тире или многоточием (ты увидишь каким), а чувствовал потребность все еще раз перевернуть вверх дном какой-нибудь репликой — и при всем желании не могу найти ничего лучшего. Просто заменить еврейские слова немецкими нельзя, это ясно. Ничего не получилось бы. Но что делать? Как кончил бы ты? Если тебе придет что-нибудь в голову, не таи от меня! Но дело срочное...» (Манна Г.-Т., 84).

Более радикальный, чем младший брат, менее склонный к компромиссам, Генрих призвал не сдаваться и бороться с редактором за свое мнение, за свою формулировку последней фразы. Его письмо с ответом не сохранилось, но Томас цитирует высказывание Генриха в своем письме от 5 декабря 1905 года:

«Ты говоришь: жертвовать характерным ради благопристойности — это пошлятина. Но можно сказать: искусство в том и состоит, чтобы при предельной характерности не оскорблять чувство стиля. А „*beganeft*“ нарушает стиль, это надо признать» (Манна Г.-Т., 85).

В то же время концовка с иностранными словами нравилась обоим братьям, и Томас принимает ее для окончательного варианта новеллы. В журнальном же варианте он пошел на компромисс и уступил редактору «*Нойе рундшау*»:

³⁰ Mann Thomas. Frühe Erzählungen. 1893–1912. Band 2.1. S. Fischer Verlag Frankfurt a. M. 2004, S. 463.

«То, что ты говоришь о конце, очень укрепило мою веру в этот конец — в его возможность и внутреннюю оправданность. Я и решил оставить его в книжном издании. Для „Рундшау“ я, пожалуй, в угоду Би сделаю другой, который не будет плохим компромиссом, ибо вовсе не обязательно связывать конец с „мстью“. Напротив, дано уже столько мотивов, что можно представить себе еще четыре-пять других концовок» (Манн Г.-Т., 85).

В этом же письме Томас Манн приводит концовку текста, которая потом с небольшими изменениями вошла в опубликованные на разных языках варианты новеллы:

«Я мог бы, например, сказать: „А как же Бекерат?“ — „Ну, он должен быть нам благодарен. Теперь у него будет менее тривиальная жизнь“» (Манн Г.-Т., 85).

Когда в 1921 году Томасу Манну наконец попал в руки один из роскошных экземпляров новеллы, отпечатанных в мюнхенской типографии Dr. C. Wolf & Sohn, писатель был огорчен: концовка текста осталась той же, что была подготовлена для «*Нойе рундшау*», без «грубых» еврейских слов. В дневнике от 13 апреля 1921 года Томас признается:

«Пришли экземпляры люксовского издания „Крови Вельзунгов“, к сожалению, не с оригинальным концом. Я должен был об этом позаботиться» (Tagebücher 1918–1921, 504).

Через три дня писатель дарит экземпляр книги другу Эрнсту Бертраму (Ernst Bertram, 1884–1957) и собственноручно исправляет последнюю фразу на первоначальный конец текста с еврейскими словами (Tagebücher 1918–1921, 505). Копия исправленной автором страницы текста приведена в томе комментариев к тексту новеллы (Kommentar, 341).

Надо сказать, что качество, внешний вид и, соответственно, цена сильно отличались для разных экземпляров. Номера I–V были вручную переплетены в бирюзовый левантийский сафьян и богато позолочены. Номера VI–XXX тоже переплетены вручную, но позолоты на них поменьше. Все первые тридцать экземпляров (I–XXX) снабжены папками с отпечатками литографий на настоящей китайской бумаге, листы пронумерованы. Кроме того, в эти папки был вложен лист с оригинальной концовкой новеллы. В тексте остальных экземпляров стояла последняя фраза, исправленная по настоянию Оскара Би.

Экземпляры 1–500 переплетены в специальной переплетной мастерской Карла Херкомера (Carl Herkomer) в Мюнхене. Номера 1–30 сделаны в сафьяновом переплете, номера 31–100 — в переплете из телячьей кожи, остальные в различных комбинациях из кожи, сафьяна и специального картона³¹.

Экземпляры предназначались для истинных библиофилов, и цены были запредельные — от 350 до 1600 марок! Современники жестко критиковали и оформление книги, и ее стоимость. Ганс фон Вебер в своей газете «Цвибельфиш» («Zwiebelfisch») назвал появление такой книги «скандалом безвкусицы»³².

Самым полным и научно обоснованным собранием сочинений Томаса Манна является еще не законченное Полное комментированное франкфуртское издание (GKFA). «Кровь Вельзунгов» опубликована в томе 2.1 «Ранние рассказы». Концовка текста здесь та, которую придумал автор, то есть с «грубыми» еврейскими словами.

³¹ Raff Thomas. Ironie und Satire. Thomas Mann und Thomas Theodor Heine. In: Heißerer Dirk (Hrsg). Thomas Mann in München. V. [peniophe] — Verlag Anja Urbanek, München 2010, S. 158.

³² Heißerer Dirk (Hrsg). Thomas Mann in «Villino» am Starnberger See. P. Kirchheim Verlag, München 2001, S. 152.

Так же поступили издатели французского перевода 1931 года, заменив, правда, еврейские слова французскими.

Русский читатель получил перевод «Крови Вельзунгов» в том виде, на котором настаивал редактор «*Нойе рундшау*». Томас Манн был согласен с такой концовкой только в виде исключения, обещав брату Генриху, что в книжном издании обязательно вернется к оригинальной фразе. Увы, переводчики на русский язык (Е. Шукшина и Е. Соколова) желание автора проигнорировали.

«...я соблаговолил принять конституцию»

Может ли писатель в своих произведениях изображать реальных людей, их внешность, поступки, достоинства и недостатки, успехи и неудачи? Томас Манн с первых своих шагов в литературе был убежден, что да, может! Его роман «*Будденброки*», сделавший писателя знаменитым, принес и немало огорчений. В родном Любеке эта книга произвела сенсацию и вызвала ярость многих известных жителей города, узнавших себя в героях романа. В городе циркулировали списки лиц, послуживших прообразами тех или иных персонажей. Среди обиженных были даже родственники писателя, например, дядя Фридрих Вильгельм Леберехт Манн (Friedrich Wilhelm Leberecht Mann, 1847–1926). Обиду он долго терпел, но через двенадцать лет один случай подтолкнул его выплеснуть свой гнев на публику. В Лейпциге вышла книга Вильгельма Альбертса «*Томас Манн и его профессия*». И дядя не выдержал. Он опубликовал короткую заметку в газете «*Любекишен анцайген*» («*Lübeckischen Anzeigen*») от 28 октября 1913 года, где жаловался на множество неприятностей, которые ему в последние двенадцать лет принесла книга племянника. Поэтому автор заметки призывает всю читающую публику Любека по достоинству оценить упомянутый роман:

«Если автор „Будденброков“ карикатурным образом вываливает в грязь своих ближайших родственников и откровенно выдает обстоятельства их жизни и судьбы, то каждый здравомыслящий человек найдет это недостойным. Плоха та птица, которая гадит в своем гнезде»³³.

Подобные упреки доходили до писателя и раньше. Он не считал нужным публично оправдываться, отводя душу в частной переписке. Но после скандала с новеллой «*Кровь Вельзунгов*» Томас решил громко заявить о своих правах писателя, опубликовав в 1906 году «маленький манифест» «*Бильзе и я*» (IX, 7–19). И хотя формально поводом для написания этой работы послужили обиды любекцев на роман «*Будденброки*», многие аргументы автора выглядят как ответ на упреки по поводу его «тиргартенской новеллы».

Прежде всего писатель утверждает принципиальное отличие изображения и его прототипа:

«Действительность, которую поэт заставляет служить своим целям, может быть его повседневностью или самым близким и любимым человеком, поэт может сколько угодно сохранять верность внешних деталей, порожденных этой действительностью, пытаться жадно и последовательно сохранить в своем произведении любой признак этой детали — и тем не менее для него (а значит, так должно быть и для всего света!) между действительностью и ее изображением пролегла бездонная пропасть: то различие в самой сущности, которое навсегда отделяет мир реального от мира искусства» (IX, 12).

³³ Wysling Hans, Schmidlin Yvonne (Hrsg.). Thomas Mann. Ein Leben in Bildern. Artemis, Zürich 1994, S. 118.

Писатель берет из жизни те или иные детали, внешние признаки, по которым люди сразу узнают: этот — тот или та. Но дальше писатель строит свои образы, отвечающие его задачам художника. И образы могут стать далекими от оригиналов.

«Люди же думают, что на основании этих внешних признаков они вправде и все остальное считать „правдой“, анекдотом о личностях, рыночным товаром, сплетней... Вот и готов скандал» (IX, 14).

Главное, о чем сокрушается автор «*Бильзе и я*», это потеря художником своей свободы. Манифест заканчивается страстным призывом:

«Не мешайте сплетнями и оскорблениями его свободе, — лишь она одна помогает ему делать то, что вы любите и превозносите, и без нее он был бы никому не нужным рабом» (IX, 19).

Скандал с новеллой «*Кровь Вельзунгов*» показал Томасу Манну его несвободу. Он сам признавался старшему брату в письме от 17 января 1906 года:

«И должен признать, что в человеческо-общественном смысле я уже не свободен» (Манны Г.-Т., 87).

И далее он еще раз возвращается к этой проблеме:

«Правда, с тех пор я никак не могу избавиться от чувства несвободы, которое в ипохондрические часы становится очень гнетущим, и ты, конечно, назывешь меня трусливым буржуем. Но тебе легко говорить. Ты абсолютен. А я соблаговолил принять конституцию» (Манны Г.-Т., 88).

Раньше свободный от супружеских обязательств начинающий писатель, затем автор шумевшего романа, снимавший скромные квартирки в богемном районе Мюнхена и позволявший себе длительный мужской роман с художником Паулем Эренбергом, был сам себе абсолютный монарх, мог не считаться с общественным осуждением. Теперь же он выбрал конституционную монархию брака, получив взамен статус добропорядочного отца семейства, но вместе с тем и жесткие рамки допустимого в обществе поведения. Эти рамки не были ему еще точно известны, когда семейная жизнь только начиналась. Зато перспектива стать богатым человеком ему нравилась. В уже цитированном письме Иде Бой-Эд от 3 сентября 1905 года Томас признается:

«Ах, пусть говорят что угодно, но богатство — хорошая вещь. Я в достаточной степени художник, в достаточной степени продажный человек, чтобы позволить себя такой жизнью очаровать. Между прочим, две противоположные склонности, с одной стороны, к аскезе, с другой — к роскоши, обе свойственны современной душе: вы видите их в свете великого стиля Рихарда Вагнера» (Briefe I, 323).

Конфликты, связанные с «тиргартенской новеллой», на долгие годы испортили отношения между Томасом Манном и его тестем Альфредом Прингсхаймом. В воспоминаниях сына писателя Голо Манна рассказывается о прогулке с отцом к дому бабушки на улице Арси, 12. Это было воскресенье, когда в доме Прингсхаймов устраивали семейный обед, на котором должны были присутствовать и Манны. Томас был в черном цилиндре, который носил редко, но тут торжественность церемонии требовала представительности. Катя лежала в то время в больнице с ос-

ложением от очередного выкидыша. Старшие дети — Эрика и Клаус — были отосланы к родственникам в Берлин. Младшая Моника оставалась дома, на Пошингерштрассе, 1 под присмотром няни. Голо тоже охотно остался бы дома. Но Томас Манн взял его с собой. Поступок отца Голо понял только через много лет. Отцу не хотелось идти на улицу Арси, так как *«тещу и шурина он еще терпел, но тайного советника не переносил»*³⁴. Не последнюю роль в этой неприязни сыграл скандал с новеллой *«Кровь Вельзунгов»*. Томас взял маленького сына с собой, чтобы не чувствовать себя в гостях совсем одиноким.

С «еврейской новеллой» Томаса Манна постоянно что-то происходит. Ей словно на роду было написано находиться в центре скандалов, не только литературных, но и политических.

В 1950 году старшей дочери Томаса и Кати Эрике Манн было отказано в американском гражданстве. В Федеральном бюро расследований ссылались при этом не только на левые взгляды и прокоммунистические симпатии журналистки, но на ее склонности к инцесту со своим братом Клаусом. Доказательством служила новелла их отца *«Кровь Вельзунгов»*. То, что новелла была написана до рождения Эрики, бдительных сотрудников ФБР не смутило.

Показателен и фильм, снятый по новелле *«Кровь Вельзунгов»* в 1964 году режиссером Рольфом Тиле (Rolf Thiele, 1918—1994). Сценарий фильма был написан так, чтобы скрыть все указания на еврейство семьи Ааренхольд. При этом даже сама фамилия главных героев была заменена на Арнштатт. Сложные проблемы ассимиляции, за которые взялся Томас Манн в своей *«истории на еврейскую тему»*, были в фильме решены просто: со сцены убрали всех евреев.

«Добрые буржуа в маленьком городе»

Новелла *«Кровь Вельзунгов»* сыграла важную роль в жизни писателя: после семейных скандалов, с ней связанных, он почувствовал, какую грань нельзя переходить никогда. И хотя от манеры изображать в своих романах живых людей Томас Манн не отказался, но репутацией членов семьи он больше не рисковал.

И еще в одном пункте новелла *«Кровь Вельзунгов»* занимает особое место в творческой судьбе автора. Эта *«история на еврейскую тему»* стала первым художественным произведением, в котором Томас Манн непосредственно обратился к проблемам еврейской эмансипации и ассимиляции. Хотя он изображал евреев и в своих ранних новеллах, и в романе *«Будденброки»*, только войдя в дом Прингсхаймов, Томас впервые в жизни реально столкнулся с «еврейским вопросом», который в то время активно обсуждался в обществе³⁵.

Несмотря на сходство домов Прингсхаймов и Ааренхольдов, мысль о том, что Томас Манн нарисовал злую карикатуру на семейство своего тестя, в том числе и на свою жену, представляется абсолютно неверной. Этому противоречит и желание прочитать новеллу теще и шурина, и просьба о помощи, с которой Томас обратился к Альфреду Прингсхайму. Да и на фон Бекерата, подвергавшегося постоянным насмешкам и уколам со стороны родственников его невесты, автор *«Будденброков»*, сва-

³⁴ Mann Golo. Erinnerungen und Gedanken. Eine Jugend in Deutschland. Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt a. M. 1991, S. 20.

³⁵ Об отношении Томаса Манна к «еврейскому вопросу» см., например, мои статьи «Томас Манн: между двух полюсов». Студия. 2008. № 12; «Томас Манн в свете нашего опыта». Иностранная литература. 2011. № 9; «Работа над ошибками. Заметки на полях автобиографии Томаса Манна». Вопросы литературы. 2012. № 1. О сложных отношениях Томаса с тестем см. мою статью «Писатель и математик под одной крышей». Нева. 2016. № 3.

тавший к Кате, не похож. Так что на месть автора за год неопределенности и страха получить от невесты отказ новелла «*Кровь Вельзунгов*» явно не похожа.

И тем не менее связь между домами Прингсхаймов и Ааренхольдов существует, только она немного сложнее, чем просто злая карикатура на реальную семью. Выдуманное семейство Ааренхольдов есть образ того, чем представлялись Прингсхаймы Томасу Манну в его страхах перед неведомым доселе еврейским домом. Вместо Прингсхаймов писатель должен был бы встретиться с Ааренхольдами, если следовать антиеврейским клише и стереотипам, которыми руководствовался писатель.

К счастью для автора новеллы, его страхи не оправдались, Прингсхаймы оказались нормальными европейцами, «*ничего, кроме культуры*», как выразился Томас в уже цитированном письме брату. Это объясняет свободу, с которой писатель рисует жизнь богатой еврейской семьи, безуспешно стремящейся стать немецкой. Чем злее показаны пороки Ааренхольдов, тем больше славы и почета непохожим на них Прингсхаймам. Так полагал автор, но просчитался.

К Томасу не подходит ярлык банального антисемита. Для аристократа духа, каким считал себя и каким на самом деле являлся Манн, «*антисемитизм — это аристократизм черни*», как чеканно выразился автор «*Иосифа и его братьев*» на встрече с членами сионистского общества «Кадима» в Цюрихе в марте 1937 года. Антисемит, утверждал тогда Манн, руководствуется простой формулой: «*Я ничто, но зато я не еврей*»³⁶. Человеку, который что-то собой представляет, у которого сохранилась хоть капля самоуважения, нет необходимости прибегать к такому сомнительному утешению.

В том же выступлении перед членами «Кадимы» Томас Манн заявил, что антисемитизм ведет к варварству, возврату к тем временам, когда немцы еще не стали культурной нацией Европы, а были доисторическими германскими племенами (с. 483).

Писатель уверен, что антисемитизм в Германии практически отсутствует. Даже в 1943 году, когда гитлеровский режим полным ходом уничтожал евреев Европы, Томас Манн утверждал:

«Никогда интеллигентный, образованный, европейски ориентированный человек в Германии не может быть антисемитом... Абсолютно неверно приписывать антисемитизм подавляющему большинству немецкого народа, что могло бы выдаваться за народную основу преступлений нацистов против евреев»³⁷.

В художественных произведениях Томаса Манна часто встречаются евреи, но практически не показаны антисемиты. Только в конце «Волшебной горы» на короткое время возникает комический персонаж антисемита Видемана, которого читатель вряд ли принимает всерьез. Антисемитизм при этом не осуждается, рассматривается как ребячество и занятие нездорового человека. Даже в позднем романе «Доктор Фаустус», вышедшем в свет в 1947 году и показывающем в художественной форме трагический путь Германии к катастрофе нацистского господства, ничего не говорится про преследование евреев. Германия показана без антисемитизма, а евреи — без холокоста.

Настороженное отношение писателя к евреям имеет, скорее, эстетическую основу, подкрепляется предрассудками и стереотипами, вынесенными из детства в про-

³⁶ Mann Thomas. Zum Problem des Antisemitismus. In: Mann Thomas. Gesammelte Werke in dreizehn Bänden. Band XIII. S. Fischer Verlag, Frankfurt a. M. 1974, S. 481.

³⁷ Mann Thomas. The Fall of the European Jews. In: Mann Thomas. Gesammelte Werke in dreizehn Bänden. Band XIII. S. Fischer Verlag, Frankfurt a. M. 1974, S. 496. Статья на английском языке, немецкий оригинал не сохранился.

винциальном Любеке. Как писал 12 июня 1981 года сын Волшебника Голо Манн литературному критику Марселю Райх-Раницкому:

«...он по рождению провинциал, и от этого никогда полностью не отошел. Моя мать имела обыкновение говорить: „Будденброки — это не господа!“ Не то что обитатели дома на улице Арси; просто добрые буржуа. Добрые буржуа в маленьком городе. Отсюда происходит и его антисемитизм, от которого он никогда полностью не избавился (его брат тоже нет). Как мог юный патриций маленького городка не быть антисемитом?»³⁸

На жизненном пути Томаса Манна не раз встречались евреи. Это были разные люди. Кого-то он ненавидел, как Теодора Лессинга или Альфреда Керра, кого-то ценил и уважал. О значении евреев в творческой жизни писателя Манн говорит в эссе «К еврейскому вопросу», написанном в 1921 году по следам эксклюзивного издания новеллы «Кровь Вельзунгов»:

«Евреи меня „открыли“, евреи меня издали и продвигали, евреи поставили мою невозможную театральную пьесу; еврей, бедный С. Люблинский, был первым, кто моим „Будденброкам“, встреченным вначале с кислой миной, предсказал в одной леволиберальной газетке: „эта книга будет расти со временем и будет читаться все новыми и новыми поколениями“»³⁹.

Когда Манн пишет: «евреи меня издали», то подразумевается не только Самуэль Фишер, но и его редактор Оскар Би, который, как вспоминал писатель в «Очерке моей жизни», «проявил интерес к моей работе и предложил мне прислать издательству Фишера все, что только у меня имелось» (IX, 100). Под «невозможной театральной пьесой» имеется в виду единственная пьеса Манна «Флоренция», поставленная в 1910 году Максом Рейнгардтом.

Несмотря на все многообразие человеческих типов среди еврейских знакомых Томаса Манна, в его художественных произведениях, как правило, еврейские образы откровенно отталкивающие. Если еврей — чиновник, то карьерист, если торговец, то хитрый мошенник, если художник, то оторванный от жизни упаднический эстет. Создается впечатление, что те евреи, которые «открыли, издали, продвигали» писателя, ему не интересны. Они не давали ему материала для социальной сатиры, не вписывались в устоявшуюся систему еврейских клише и стереотипов, в плену которой Томас Манн находился, работая над «Кровью Вельзунгов».

Все это говорит о том, что Томас Манн в то время еще не осознал всей остроты и глубины «еврейского вопроса», решить который он взялся сразу после женитьбы на Кате Прингсхайм. С этой точки зрения новелла «Кровь Вельзунгов», как и написанное в 1907 году эссе «Решение еврейского вопроса»⁴⁰, знаменуют лишь начало долгого пути понимания этой проблемы. Пути, по которому Томас Манн мучительно продвигался всю жизнь, возможно, так и не дойдя до цели.

³⁸ Mann Golo, Reich-Ranicki Marcel. Enthusiasten der Literatur. Ein Briefwechsel. Aufsätze und Portraits. S. Fischer Verlag, Frankfurt a. M. 2000, S. 76.

³⁹ Mann Thomas. Zur jüdischen Frage. In: Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Werke — Briefe — Tagebücher. Essays II, 1914—1926. Band 15.1. S. Fischer Verlag, Frankfurt a. M. 2002, S. 432.

⁴⁰ Mann Thomas. Die Lösung der Judenfrage. In: Mann Thomas. Essays. Band 1. Frühlingsturm. 1893—1918. S. Fischer Verlag, Frankfurt a. M. 1993.